

Л. Чарская

Приключения Таси

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
Ч-22

Ч-22 Чарская Л.А.
Приключения Таси / Л. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2022. – 122 с.

ISBN 978-5-4241-1680-3

«...Господи! Чего бы ни дала она теперь, лишь бы только снова очутиться в пансионском dortuаре, залитом мягким светом фонаря-ночника; чтобы снова увидеть девочек, которые, если и ссорились с нею, но никогда не обижали ее несправедливо, никогда не обращались с нею грубо. А здесь! Этот страшный хозяин, похожий на разбойника; эти злые, мохнатые собаки, готовые разорвать ее по одному его приказанию; эти плутоватые, недобрые дети!...»

ISBN 978-5-4241-1680-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Л.А. Чарская, 2022

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том седьмой

Приключения Таси

(Святочная повесть)

Глава первая

Почему сердятся на Тасю. Виноватая. Странный подарок. Маленькие гости.
Скора

Золотые лучи июльского солнца заливают комнату. Окно в сад раскрыто настежь, и в него тянутся ветки шиповника, покрытые душистыми розовыми цветами.

Черноглазая девочка, с капризно надутыми губами и сердито нахмуренными бровями, пишет, потешно прикусив кончик высушенного языка.

Гувернантка, низко наклонив голову над книгой и сощурив близорукие глаза, громко диктует, отделяя каждое слово:

"Послушание и покорность есть самое главное достоинство каждого ребенка". — Отгораввшись на мгновение от книги, она говорит девочке:

— После «ребенка» надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Девочка бурчit что-то себе под нос, потом отбрасывает перо и кричит на всю комнату:

— Я посадила кляксу, мадемузель! Я посадила кляксу!

— Тише! — строго останавливает ее гувернантка, — не кричите же так, я не глухая. Приложите промокательную бумагу и пишите дальше.

— Я не хочу писать! — решительно заявляет девочка и отшвыривает тетрадь в сторону.

— Но вы должны заниматься, Тася, — чуть повышая голос, возражает Марья Васильевна. — Ваша мама желает, чтобы вы писали под диктовку ежедневно.

— Неправда! — горячится девочка, — мамаша добрая и не захочет мучить бедную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами!

Потом, придвинув к себе тетрадь и обмакнув перо в чернильницу, она неожиданно согласилась:

— Хорошо! Диктуйте! Я буду писать, раз вы требуете. Диктуйте, только поскорее! — Глаза девочки плутовато блеснули.

— Так-то лучше, — смягчилась Марья Васильевна.

Она подняла к глазам книгу и снова принялась диктовать:

"Послушный ребенок — это радость для окружающих, — его все любят и стараются сделать ему как можно больше приятного..."

В комнате воцарилась тишина. Только мерно раздавался голос Марии Васильевны да скрип пера, бегающего по бумаге. Тася, склонив голову набок, теперь усердно выводила что-то пером на страницах тетради.

— Закончили вы, наконец, Тася? — обратилась Марья Васильевна к своей воспитаннице,

— Да, мадемузель! — С самым смиренным видом Тася протянула ей тетрадь. Гувернантка по привычке приблизила тетрадь к самому лицу и хмыкнула.

На странице тетради был довольно сносно нарисован брыкающийся теленок, под которым Тася старательно вывела: "Самый послушный ребенок в мире"...

Внизу сидела огромная клякса, к которой изобретательная Тася приделала рожки, ноги и руки, и получилось нечто похожее на те фигурки, которые называются "американскими жителями" и продаются на Вербной неделе.

Тася была в восторге от своей затеи. Она схватилась за бока и рассмеялась.

Но Марья Васильевна не смеялась. Она высоко подняла руку со злополучным листком, и, помахивая им, как флагом, двинулась к двери.

— Прекрасно! Прекрасно! — повторяла она раздраженно, — чудесный сюрприз приготовили вы вашей мамаше ко дню ее рождения!

Еще раз взмахнув листком, она вышла из комнаты, сильно хлопнув за собою дверью.

Тася слышала, как вслед щелкнула задвижка, как повернулся ключ в замке, — и девочка поняла, что она снова наказана.

* * *

Солнце по-прежнему ласково сияло; по-прежнему розовый шиповник тянул-ся в окно, но девочке уже было не так весело, как прежде.

Мамино рождение!.. Приятный сюрприз!.. Тася, совсем забыла, что сегодня день маминого рождения. Совсем даже и не подумала приготовить подарок милой мамусе. А Леночка и Павлик, наверное, уже приготовили и будут гордиться этим перед нею, Тасей! Нет! Нет! Никогда! Ни за что! Она не оставит без подарка милую маму, которая прощает все проделки своей любимицы.

Как могла она забыть о ней, о милой мамочке!

И девочка, в знак своего негодования на саму себя, изо всех сил ударила по столу крошечным кулачком.

— Кар! Кар! Кар! — неожиданно послышалось за окном.

На ветке старой липы, росшей у дома в простенке между двумя окнами, сидела небольшая черная птица, едва оперившаяся, с желтым клювом и смешными, круглыми глазами.

Это был выпавший из гнезда птенец-вороненок, еще не умевший летать. Он беспомощно взмахивал крыльями, поминутно раскрывал желтоватый клюв и испускал свое: Как! Кар! Кар!

Тася сразу забыла и про день рождения мамы, и про злополучный рисунок, и про гнев Марии Васильевны.

Она вскочила на стул, оттуда на стол, затем очутилась на окне и скоро исчезла в зелени липы. Карканье прекратилось, потом послышалось снова с удвоенной силой, и желторотый птенчик забился в руках Таси.

Совершенно позабыв о том, что на ней любимое мамино платье из белого батиста с нарядной кружевной оборкой, Тася, с ловкостью белки перепрыгивала с сучка на сучок и уже готовилась слезть с дерева, под неистовое карканье обезумевшего от страха вороненка, как неожиданно ветка, на которую она опиралась, ушла из-под ноги девочки и Тася, перекувырнувшись в воздухе, вместе с ошалевшим вороненком шлепнулась в только что политые грядки огурцов и редиски.

* * *

Мама в своем нарядном розовом капоте "с пчелками", то есть рисунками пчелы, разбросанными по нежному розовому фону, сидела за утренним чаем.

Марья Васильевна старательно перетирала чашки, сидя за самоваром, и жаловалась на Тасю. Подле прибора мамы лежал злополучный рисунок, вырванный из учебной тетрадки. Лицо мамы было озабоченно.

Марья Васильевна говорила:

"Тася невозможна. Тася непослушна. Тася дерзка. Конечно, она, Марья Васильевна, очень привязана к семье и любит Нину Владимировну, Тасину маму. Но... кажется, она не в состоянии больше воспитывать Тасю. Да и вряд ли кто возьмется за это. Самое лучшее отдать ее в какое-нибудь учебное заведение. В ближайший город, например, где у двоюродного брата Марии Васильевны есть пансион для благородных девиц. Девочки содержатся замечательно хорошо в этом пансионе: их там учат и воспитывают. Там и Тасю исправят, а домашнее воспитание для нее — погибель".

Окончив эту длинную речь, Марья Васильевна испытующе взглянула на маму.

Мама тоже посмотрела на Марью Васильевну, потом сказала:

— Вы простите, дорогая м-лл Marie, но Тася — моя слабость. Она, вы знаете, единственная из моих трех детей, не знала отцовской ласки: муж умер, когда Тасе была всего неделя, вот почему мою сиротку я старалась баловать и за отца, и за себя. Я понимаю, что Тася избалована, но я так люблю свою девочку, что не в силах обращаться с нею строго.

— Вот потому-то я и советую отдать ее туда, — вы слишком балуете Тасю, а в пансионе моего двоюродного брата с нею будут обращаться взыскательно, но справедливо. Это принесет ей только пользу, — убеждала Марья Васильевна.

— Знаю, — покорно согласилась Нина Владимировна, — очень хорошо знаю... Но что поделаешь! Я слабая мать. Простите мне мою слабость, а заодно простите и Тасю. Сегодня день моего рождения, и мне бы хотелось, чтобы девочка была счастливой в этот день.

— Как вам угодно Нина Владимировна! Я говорила это только потому, что от души желаю добра вам с Тасей.

— Вполне верю, моя дорогая, и даю вам слово с сегодняшнего дня следить за девочкой особенно строго. Если поведение Таси окажется не поддающимся исправлению — что делать? Я отдаю ее куда-нибудь...

И Нина Владимировна тяжело вздохнула.

В ту же минуту дверь на террасу широко распахнулась, и двое детей — мальчик и девочка — со всех ног кинулись к матери.

— Мамуся! Душечка наша! Поздравляем тебя! — в один голос кричали они, бросаясь обнимать и целовать Нину Владимировну.

Старшему из детей, Павлику, уже минуло четырнадцать лет. Это был плотный, коренастый мальчик, в кадетской блузке с красными погонами, в форменной фуражке, лихо сдвинутой на затылок. Его открытое лицо было почти черно от загара, и весь он дышал силой и здоровьем.

Сестра его, белокурая девочка, болезненная и хрупкая, казалась много моложе своих одиннадцати лет. Лену постоянно лечили то от того, то от другого. Ради нее-то и проводила Нина Владимировна безвылазно зиму и лето в своем имении Райское. Доктора запретили Леночке жить в городе, и про городские удовольствия дети знали лишь понаслышке.

Райское находилось в самой глуши России, и до ближайшего города было около ста верст. Один Павлик воспитывался в Москве, в корпусе и приезжал к

матери только на каникулы.

Девочек Стогунцевых учила гувернантка, а сельский священник преподавал им Закон Божий. Нина Владимировна, зная в совершенстве французский и немецкий, учила языкам дочерей.

Кроме Нины Владимировны, Марью Васильевну и детей, в доме находилась вторая няньшка, выходившая саму хозяйку дома и теперь помогавшая Марье Васильевне присматривать за детьми.

Со смертью мужа, которого она очень любила, Нина Владимировна Стогунцева отдавала все свое время сиротам-детям. Она души в них не чаяла, особенно в Тасе, которую вконец избаловала.

— Вот тебе мой маленький подарок, мамуся, — немного сконфуженно говорил Павлик, вытаскивая из-за спины что-то тщательно обернутое в бумагу.

Нина Владимировна осторожно развернула пакетик и увидела красиво переплетенную записную книжку, работы Павлика.

У Павлика были золотые руки. За что он ни брался, все у него выходило споро и красиво. И трудолюбив он был, как муравей: то огород разведет, то коробочки клеит, то сено убирает на покосе или рыбу уdit в пруду.

Нина Владимировна поцеловала своего сынишку, и глаза ее обратились к Леночке, которая, в свою очередь, подала матери искусно вышитый коврик к кровати.

Мама обняла свою старшую дочку, всегда радовавшую ее своим послушанием и добрым, кротким нравом.

— А Тася что же? Или она уже поздравила тебя, мамуся? — спросила Леночка.

Но никто не успел ей ответить, потому что сама Тася появилась на пороге.
Но в каком виде!

Нарядное белое платье с кружевным воланом было грязно до неузнаваемости. Целый кусок оборки волочился за нею в виде шлейфа. Волосы растрепаны. На лбу огромная царапина, а кончик носа измазан землею, как это умышленно делают клоуны в цирке.

— Мамочка! Милая! Дорогая! — кричала она с порога, — поздравляю тебя! Ты не бойся, мамуся... Это ничего. Я только упала с дерева... С липы, знаешь? ... Мне не больно, право же, не больно, мамочка. А платье замоют... Я няню попрошу... Ну, право же, мне вовсе, ну ни чуточки не больно!

— Прекрасное поведение! — заметила Марья Васильевна в то время как Нина Владимировна с тревогой взглядывалась в чумазое личико проказницы.

— Тася! Тася! Ну, можно ли так! — говорила она.

Но Тася твердила одно:

— Мне не больно, я не ушиблась! Да право же, — и покрывала поцелуями лицо, шею и руки матери.

Ведь вы были наказаны! Как же вы осмелились выйти из комнаты? — строго спросила девочку Марья Васильевна.

— Да я и не думала выходить из комнаты, — бойко отвечала та, — я просто из окна вылезла на липу, а с липы сверзилась прямо в грядки. Не больно совсем.

— Тася! Тася! Что с тобою? Я не узнаю мою девочку! — произнесла укоризненно Нина Владимировна. — Сейчас же попроси прощения у Марии Васильевны! — добавила она с непривычной строгостью в голосе.

— Мадемузель, простите! — буркнула Тася, не глядя на гувернантку.

— Ваша мамаша добра, как ангел, а вы так огорчаете ее! — отвечала гувернантка. — А подумали ли вы о вашей маме? Павлик и Леночка приготовили свои сюрпризы, а вы?

— Сюрприз! Ах! — растерялась Тася.

Она стояла с низко опущенной головою. Потом вдруг лицо ее просияло, и Тася радостно бросилась на шею матери.

— Душечка мамуся! Если бы ты знала, как я люблю тебя! Я не умею kleить коробочек и переплеть книги, как Павлик, или вышивать коврики, как Леночка, но зато я отдам самое дорогое, самое любимое, что у меня есть. Мне «он» так понравился, что я бы с ним никогда, никогда не рассталась, но тебе я его подарю, потому что я тебя еще больше люблю, душечка мамаша!

Она запустила руку в карман, и перед удивленной Ниной Владимировной, подле ее чайного прибора, очутилось смешное желторотое и длинноклювое существо, с едва отросшими пушистыми крыльями.

Нина Владимировна невольно отодвинулась от стола. Марья Васильевна взвизгнула от неожиданности. Леночка кинулась под защиту Павлика, надеясь на его кадетскую храбрость. Словом — произошел переполох. Один Павлик храбро подступил к вороненку и кричал: "кш! кш!!!" — махая фуражкой.

А виновник суматохи, вороненок, испугавшись всей этой кутерьмы, совсем растерялся. Он недоумевал с минуту, потом неожиданно встрепенулся и с решительным видом заковылял по скатерти, опрокидывая по пути чаши и стаканы. Мимоходом попал в сахарницу, выскоцил из нее, как ошпаренный, наскоцил на лоток с хлебом и в конце концов очутился в крынке с молоком, уйдя в нее по самую шею.

Теперь из молока торчала только круглая голова с желтым кловом, из которого вылетало неистовое: "Кар! Кар! Кар!"

Глаза несчастного птенчика стали еще круглее от ужаса.

— Он захлебнется! Он захлебнется! Спасите его! — кричала Тася и, не долго думая, запустила руки в крынку и извлекла оттуда своего приемыша.

Почувствовав себя на сухе, вороненок разом пришел в себя. Он начал с того, что встряхнулся всем своим тельцем со сплившимися крыльшками, сквозь которые просвечивала кожа, и снова заковылял по столу.

Это было до того забавно, что Нина Владимировна не могла сдержать улыбки. За ней захочтал во все горло Павлик. За мальчиком засмеялась Леночка. И, наконец, сама Тася так и закатилась громким смехом. Даже Марья Васильевна улыбнулась при виде потешной походки вымокшего птенчика.

Нина Владимировна не могла сердиться на Тасю. Как не странен был подарок ее младшей девочки — это был все-таки подарок и поднесен к тому же от души. Она погладила по голове свою проказницу-дочурку и сказала ей на ушко:

— Ты мне дашь слово, Тасенок, никогда не лазать по деревьям и вообще стараться удерживаться от шалостей и проказ. А вороненка твоего я беру охотно. Он такой смешной и забавный, а главное — он будет напоминать моей девочке о ее падении с липы и этим, может быть, предостережет ее от новых проделок. А теперь, друзья мои, — обратилась мама ко всем детям, — сегодня вас ожидает много приятного. Ваши новые друзья, дети Извольцевы и Раевы, будут у нас в гостях, а вы примите их хорошенъко и постарайтесь быть добрыми хозяевами.

— Извольцевы приедут! Ура! — закричал на весь дом Павлик, подбрасывая вверх свою фуражку.

— И Тарочка! — вторила ему Тася.

— Ну уж твоя Тарочка! Забияка! — уколол сестру мальчик.

— А твой Виктор — глупый! — рассердилась та.

— Тася! Тася! — остановила девочку Нина Владимировна.

— Идите переодеваться, слышите! — строго приказала Марья Васильевна Тасе.

Та хотела буркнуть что-то по своему обыкновению, но, встретив взгляд матери, удержалась на этот раз.

— Не забудь пластырь наклеить... Нельзя же с таким лбом гостям показываться! — посоветовал сестре Павлик.

Тася рванулась было к брату. И снова добрый взгляд матери остановил ее.

* * *

Их было шестеро.

Сначала подъехал высокий фаэтон-долгуша с детьми Извольскими и их пожилой гувернанткой-англичанкой мисс Мабель.

Старший из детей был маленький, с завитой барабашкой прической, паж Викторик, от которого нестерпимо пахло духами, так как он перед отъездом вылил на себя целую банку резеды. Викторик говорил по-французски и не снимал с рук белых перчаток. Его сестры, Мери и Нини, были очень похожи на двух фарфоровых куколок в своих пышных белых платьях с роскошными поясами и с туго завитыми по плечам локонами. С ними приехал их дальний родственник, хромой Алеша, круглый сирота, которого воспитывали в доме Извольских с самого раннего детства.

Вслед за чинными, выдержаными детьми Извольцевыми, поглядывавшими на всех с некоторым высокомерием, прикатили дети Раевы — брат и сестра, Тарочка и Митюша; она — пухлая, румяная девочка — шалунья и хохотунья, любимая подруга Таси; он — толстый карапузик, большой забияка. С ними приехала и их молоденькая француженка-гувернантка, не менее веселая и жизнерадостная, нежели они.

— Вот потеха-то, — с порога кричала Тарочка, — нас чуть из кабриолета Лука не вывернул. Он ударил Красавчика, а Красавчик понес... и экипаж набок... Вот смеху-то было! Mlle кричит, Митюша бранится, а я хохочу, хохочу, хохочу!

— Ах, как страшно! — в один голос вскричали сестрицы Нини и Мери.

— Я не понимаю, что тут смешного, когда лошадь несет и экипаж на сторону, — пожал пренебрежительно плечами Викторик, взбивая рукою свои туго завитые волосы. — Если б наш кучер осмелился нас вывалить, я бы его проучил.

— Во-первых, он не вывалил, а во-вторых, ты не смеешь драться! — сказала Тарочка.

— Неприлично говорить «ты» старшим. Я старше вас, — Викторик наградил девочку негодящим взглядом.

— Ах, ты, фофан! — неожиданно расхохоталась Тася, и прежде чем маленький паж успел опомниться, она подняла руку и в один миг испортила его великолепную прическу, спутав тщательно завитые волосы.

— Как ты смеешь, невоспитанная девчонка! — сердито крикнул маленький

пажик, в то время как его сестры Нини и Мери дружно испустили вопль негодования и испуга.

— Ах, скажите, пожалуйста, какая неженка! Велика важность — ему прическу смяли! — потешалась Тася, бойко поглядывая на остальных детей, как бы ища у них сочувствия.

— Девочка не должна так поступать. Это стыдно, — произнесла по-английски незаметно подошедшая мисс Мабель.

Но Тася не понимала английского языка. Да если бы и понимала, то не обрадила бы ни малейшего внимания на замечание гувернантки. Она была вполне счастлива, потому что Тарочка и Митюша — ее закадычные друзья — восхищались ее проделкой, в то время как Павлик и Леночка старались успокоить разобиженного Викторика.

— Дети, обедать! Обедать скорее! — послышался голос Нины Владимировны.

И маленькие гости в сопровождении своих юных хозяев, двинулись в столовую.

Тася первая бросилась к столу, у которого хлопотала чистенькая симпатичная старушка в ослепительно белом чепце.

— Есть хочу! Есть! Есть! — кричала Тася на всю комнату.

— Да ты бы, Тасюшка, раньше гостей рассадила, — укоризненно покачала головою няня.

— Не твое дело, молчи, нянька! — сердито буркнула та.

— Вы невозможная девочка! — тихо, но внушительно произнесла Марья Васильевна, наклоняясь к уху Таси.

— Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! Вы невозможная девочка! — запела на разные голоса Тася, ужасно разевая рот и размахивая руками и ногами в такт песни. — Ай! Ай! Ай! — закричала она неожиданно, — мои любимые пирожки с капустой! Дайте мне первой! Первой мне, мне, мне, мне!

Мисс Мабель, строгая, чопорная англичанка, воспитательница детей Извольцевых, с ужасом смотрела на крикливую девчонку, не умевшую вести себя за столом. Нини и Мери молча жалились друг к другу. Они даже как будто побаивались этой бойкой не в меру проказницы. А брат их только бросал на Тасю презрительные взгляды и молча пожимал плечами.

— Что ты смотришь так? Выпучил глаза и смотришь, как таракан — накинулась на него Тася. — Что мне весело? Ужасно удивительно, право. Не могу же я сидеть, как глупая кукушка, и любоваться вами. Павлик говорит, что у них в корпусе кто живее и шаловливее — того и любят больше. А вот ты зато и не мальчик-kadet, а верченая кукла на пружинах, вот ты кто!

— Тася! Тася! — укоризненно говорила на ухо сестре Леночка. — Ведь это наши гости.

Как раз в это время Нина Владимировна вошла в столовую, и Тася при виде матери вспомнила, что обещала ей вести себя прилично.

Она разом притихла, но не надолго. Вскоре она совсем забыла свое обещание, громко кричала, хохотала на весь стол, задевая детей, пролила воду и, наконец, дошла до того, что, свернув салфетку, изо всех сил швырнула ее в Викторика.

Салфетка попала как раз в тарелку с супом, и разлетевшиеся во все стороны брызги залили и нарядный военный мундирчик маленького Извольцева, и прелестные платьица сидевших по обе стороны сестриц.